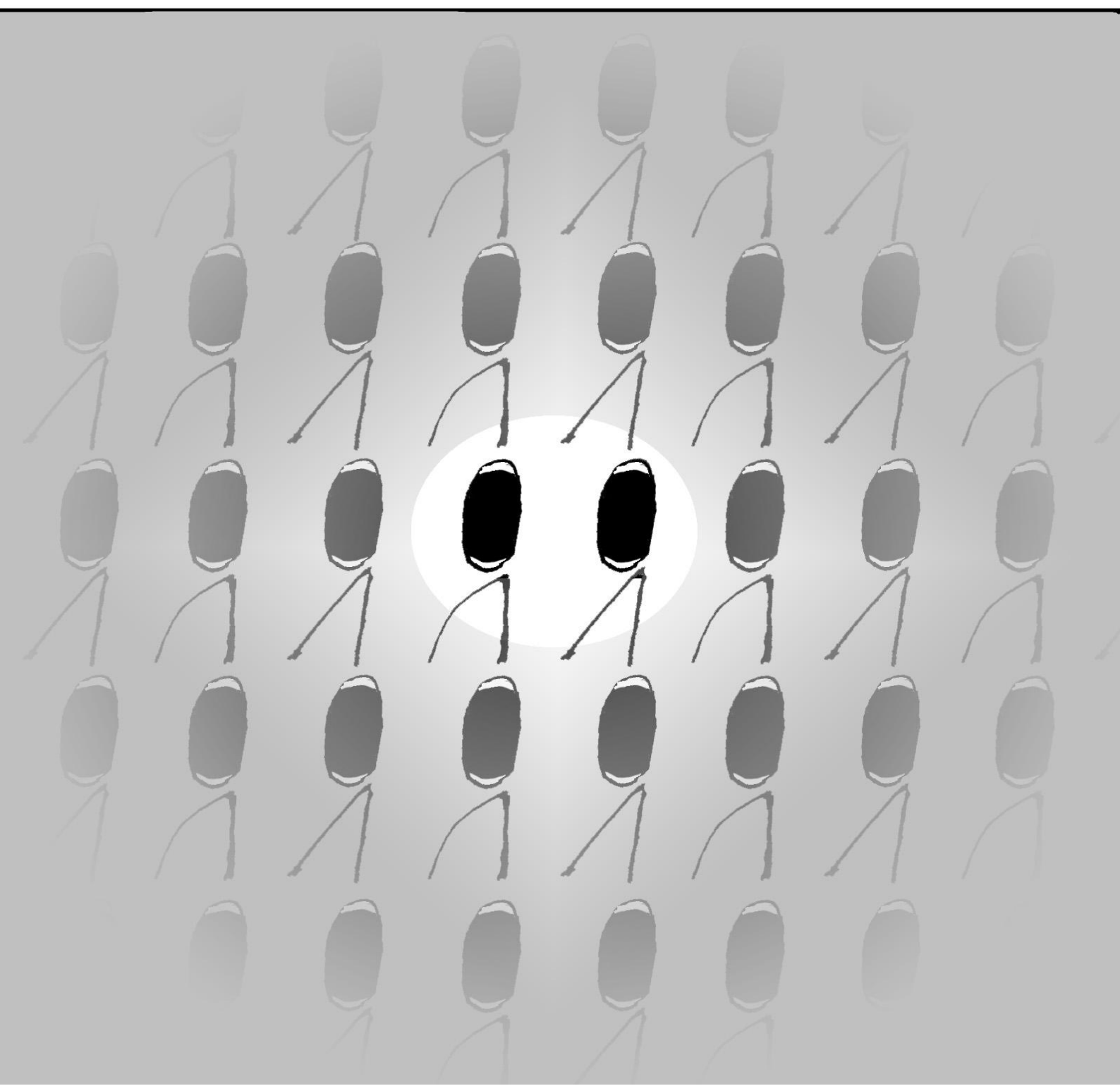

xop

Семен Грила

Хор

*«Эгоизм колоссален – он возвышается над миром.
Ибо если бы каждому отдельному человеку
был предоставлен выбор между его собственным
уничтожением и гибелью всего прочего мира,
то мне нет нужды говорить, куда в огромном
большинстве случаев склонился бы этот выбор».*
Артур Шопенгауэр

Первое

Прозабание было существенной частью жизни граждан небольшого города, затерянного в Сибири. Это был даже не городок, а скорее большая деревня. Или поселок. Или рыбацкий колхоз. Тут всегда

кормила река, пока не построили зачем-то комбинат. Ну, везде строили, и тут вот тоже. И поселок быстро изменился. Появилась новая школа, и даже две. Детсады, поликлиника. Дом культуры и кинотеатр.

Вселенная местных жителей расширилась невероятно, превратившись в галактику. Стали рождаться новые увлечения. Случились даже, прости господи, филателисты, собиравшиеся по воскресеньям в Доме культуры. Там был у них клуб.

Еще объявили набор в секции бокса и лыж. И вершиной стал хор. Хор был женский, это делало его совершенно особенным местным заведением, рвавшим мозг всем – и тем, кто ходил туда, и тем, кто не ходил, а особенно городскому начальству. Ну, это так, к слову пришлось.

Так вот: Зина. Она работала на этом самом комбинате. Приехала из Москвы. После института. Зимой.

Зина

Приехала на год. А жила уже десять лет. Квартира. Семья. Муж. Сын. Всё как у людей.

Стремительности времени сначала не замечала, а когда заметила, смирилась. «Ну а что? – говорила она. – Где было бы лучше?» Антон хороший, а рыжий Слава – ну просто чудный сын. Тихий и забавный. Коллектив на работе дружный. По праздникам и выходным – лыжи или ягоды, в смысле походы. В зависимости от времени года.

А когда поставили компьютеры – и вообще работа упростилась. А когда привезли первый плоттер, то и вообще стала простой.

Ну, не в этом суть. А суть в том, что Зина пела в хоре. Она была совсем не музыкальна. У нее не было ни слуха, ни голоса. Но

судьба так решила: Зина будет петь в хоре за тысячи километров от родной Москвы, и ей это будет очень нравиться.

Виолетта

В хоре Зина познакомилась с Виолеттой. Они были почти ровесницами, только Виолетта была местная, жила здесь и до комбината. Ее семья была большая и дружная. Хотя и беспробудно пьющая.

Теперь Виолетта работала на складе приемщицей, а после школы сначала помогала родителям в свинарнике. Шебутная девчонка, ей требовался выход, и хор был одним из них. Но не единственным.

Виолетта была с дополненной реальностью, но не знала об этом. Как мы уже выяснили, она была деревенской. Нет, она не была сумасшедшей, просто со странностями. Поэтому все в семье и удивились, когда ее приняли на комбинат.

Виолетта была маленького роста, а Зина высокая. Это тоже нравилось обоим. Мечта воплощенная была рядом – и не такая уж заманчивая, как казалось издалека. Одомашненная, привычная, почти родная.

Комбинат

Комбинат был как бы секретный. Ну в смысле секреты его местным были не нужны, а не местным, получалось, нужны. Поэтому – проходная, колючая проволока, башни, рота охраны и всё строго.

Ну как строго? Так как-то всё... Но порядок как бы был. Он ведь в ощущениях должен быть, тогда и в практической жизни с ним полегче, думал директор, а с ним и все остальные. Так проще и понятнее. А если рефлексии много, то ступай на лыжах или марки

собирай. Ну и хор. Но тут талант нужен. А это еще реже, чем рефлексия, встречается.

После хора

Шли Зина с Виолеттой и рассуждали о жизни. Зина считала, что жизнь – она вертикальная, то есть интенсивная должна быть. Всё время вверх и вверх. Спуску себе не давать. Добиваться, утюжить и плыть. Виолетта, будучи менее обученной и неиспорченной, думала о жизни как о долине реки: всё плавно, не спеша и вдоль. Но она в основном помалкивала. Слушала больше. А Зина себя не жалела.

– Вот ты чего хочешь? (Это Зина.)

– Чтобы Петька меньше пил. (Это Виолетта.)

– Нет, это проза. (Зина.)

– А я другого не знаю. (Виолетта.)

– Да знаешь ты все. Просто разворачивать внутри не хочешь. Говори, говори! – подгоняла Зина подругу. – Наружу говори.

– Я не умею.

– Говори, как умеешь.

– Я бы хотела жить в лесу. С коровой, детьми и Петькой. Мы бы построили дом, завели огород. Охота, рыбалка и корова. Нет, я понимаю, что так не будет, но хочу так, – говорила Виолетта.

– Вот видишь, – радовалась Зина. – У тебя есть мечта, и вполне реальная. Только нелепая какая-то, – поморщилась она.

– Я понимаю, – потупилась Виолетта.

– Не печалься, подруга, будет у тебя корова, – Зина весело взвизгнула – и поскользнувшись, упала навзничь.

– Ну ты неуклюжая какая! – обрадовалась Виолетта.

Начальство

Приближался праздник. День не то металлурга, не то горняка. В общем, комбинат был металлургический, но праздновали и то и другое. Наверное, на всякий случай.

В хоре был аврал. Если праздник, то это значит концерт. Хормейстер Пётр Иванович был в бешенстве, директор ДК тоже. Платья не пошили еще, женщины кашляли.

Неделя до выступления. Репетиции каждый вечер. Дома запущены, работа кое-как. Дети распустились, мужья тоже.

Настроения у Зины и у Виолетты не было совсем. Но они старались.

На репетицию пришли начальники с комбината и из городской администрации. Им не понравилось. Что конкретно – неизвестно, но хор до праздничного концерта допущен не был, и на его место привезли группу из соседнего города. Местных звезд поп-музыки.

Народ был рад – будут танцы. А Зина – нет. Виолетта ее утешала. А потом сказала вдруг:

– Давай запремся в ДК, и если нас не вернут в концерт, сожжем и дом культуры, и себя.

– Круто, – сказала Зина.

– Ну нормально. А как надо?

– Я не знаю.

– И я.

– Ну давай попробуем. А чего тебя так развезло? Ну не будет хора – и пусть. Мало ли мы теряли.

– Это моя корова. Это ты в Москве жила, ты с другой планеты. А я? Склад, свинарник – и хор. Хор. Красиво. Сухо. Тепло. Вокруг люди – и все вместе. Ясно?

– Ну так-то да, ясно, – сказала Зина. – Мне этого не понять, но ладно, я же тебя не брошу. Чумная ты. Тихоня – и так вдруг. Не боишься последствий?

– А ты? Тебе больнее будет.

– Наверное. Но магия поступка. Я не делала в жизни ничего, что было бы таким. Мощным. Таким живым.

– И глупым, да? – Виолетта смеялась. Она вдруг стала совсем другой. Свободной раскрепощенной. – Я глупая и наивная. Я верю в чудеса.

– Ты хорошая. Пошли.

Сожжение ДК

Сторож Дома культуры, веселый старичок Керимыч, знал Виолетту давно и пустил подруг вечером позаниматься. Они связали его и заперли в кладовке. Потом заперли двери. Поставили у дверей канистры с бензином, принесенные из гаража Зининого мужа. Принесли бумажные папки и коробки из бухгалтерии.

– Вот девчонки обрадуются, – сказала Виолетта.

– Ага, – сказала Зина. – У них всего этого навалом в компьютерах. Распечатают снова.

– Ага, – сказала теперь Виолетта. – Что дальше?

– Ложимся спать, – сказала Зина. – Утром будет у нас тут заваруха.

– Не передумаем?

– Не передумаем.

Утро

Они проспали. Проснулись от того, что кто-то тряс дверь и звал Керимыча. Пришел его сменщик Степан Ефимович. Ему и досталась почетная обязанность довести до начальства новости. Он слушал баб и качал головой:

– Девчонки, вас посадят.

– Не ссы, Ефимыч, – прорезалась вдруг в Виолетте ее сельская жизнь. – Посадят – значит, дело сделаем. Просто так без дела у нас не сажают.

– Да, – сказал Ефимыч. – Вы сошли с ума, я понял. Ладно, ждите.

– Виолетта, я предала тебя, – сказала неожиданно Зина.

– Как? – спросила Виолетта.

– В канистрах – вода. Я испугалась.

– Я не лучше, – прошептала Виолетта. – Я написала на тебя донос и отпустила Керимыча, пока ты спала. Тебя арестуют, подруга.

– Что ты написала?

– Ну как? Что ты придумала поджечь ДК, угрожала мне и моей семье, если я откажусь идти с тобой. И вообще, что ты меня провоцировала всё время наших занятий в хоре.

– Зачем?

– Да бляди вы все московские. Приезжаете – и давите нас своей ученостью. А мы должны умиляться и поддакивать. Так вот хуй вам, поняла? Я тебя сразу невзлюбила, и особенно когда про корову тебе рассказала. Пожалела, что открылась. Ну и...

– Понятно. А я тебя любила.

– Ну и дура.

– Так только дуры и любят. Вам, умным, не понять.

Их бесконечный диалог прервали мигалки и сирены.

– Ну вот и всё, собирайся, подруга.

– Ну это мы еще посмотрим, кто кого.

– Посмотрим-посмотрим.

Суд

Весь поселок следил за делом хора. Зина не осталась в долгу и сочинила еще более душераздирающую историю их с Виолеттой похождения. Но в отличие от Виолетты она себя не выгораживала, а крепко обнимала подругу, как бы та ее ни отталкивала.

Симпатии жителей были на стороне Зины, ее преданности и ее смысла. Она любила хор, любила Виолетту. И если Виолетта была агентом местных правоохранителей, то Зина, как и чувствовала подруга, была птицей другого полета. По делу теперь проходили и директор ДК, и хормейстер, и два десятка простых хористок.

Дело в результате забрали в Москву. Приехала бригада следователей оттуда, человек сто, и весь поселок теперь ходил под подозрением. На комбинат тоже зачастили проверки, разрушился весь спокойный уклад глухой провинциальной жизни.

Таким образом, не вдаваясь в результаты работы суда и длины приговоров, можно сказать, что хора больше нет. Некоторые участники тех событий разъехались кто куда. Комбинат выстоял, но поменял хозяев. Так бывает.

Зина и Виолетта сидят в одной колонии. Зина скоро выйдет, а Виолетта не скоро. Да, вы угадали, в колонии есть хор, а Виолетта рисует коров. Многим нравится.